

ИСТЕРИЯ И НАВЯЗЧИВОСТЬ

ДАНИЭЛЬ РУА

Хвала неврозу

Известна судьба истерии и невроза навязчивости, этих жемчужин западной психиатрической клиники, ценность которых, ласкающий взор блеск первой и затейливое устройство второй, были выявлены психоанализом: оба этих означающих полностью исчезли из учебников психиатрии, перестали быть темами исследований и университетских курсов, наконец, были изгнаны и из официального знания. Теперь они ушли в подполье.

Отчасти это происходит просто в порядке сопротивления обыденной речи: девушек, которые в обществе ведут себя немного демонстративно или не слишком удовлетворены собственной личной жизнью, как правило, считают «истеричками»; человек отличается «навязчивостью», если ему присущи крайняя тщательность и скрупулезный контроль. Куда более занятно проследить, как данные категории буквально пронизывают такую классификацию, как *DSM IV*, наперекор всем ее стараниям исключить их из поля своего зрения. Так, отмечена их причастность к злоупотреблению такими веществами, как алкоголь, никотин, кофеин, транквилизаторы; они сопутствуют неспецифическим депрессивным расстройствам; могут быть обманчивы, как, например, обсессивно-компульсивные и конверсионные нарушения, относительно которых никогда не можешь быть полностью уверен, являются ли они симптоматическим выражением невроза; и, напротив, мы видим, как они резвятся в самом центре разнообразных фобий и неспецифических тревожных расстройств, а также соматоформных и диссоциативных, тем более, если и они являются «неспецифическими». «Истерия» и «Навязчивость» также оказываются неподалеку, когда доблестная *DSM* рассматривает нарушения тех основных функций, которые делают жизнь достойной того, чтобы жить (сексуальность, питание, сон), но и маленьких, дополнительных функций, как гнев, воровство, пристрастие к играм с огнем, просто игра. Наконец, данный перечень может быть пополнен трудностями адаптации и, особенно, личностными «расстройствами», включая антисоциальные, пограничные, истерические, нарциссические, избе-

гающие, зависимые, обсессивно-компульсивные и, конечно же, «неспецифические».

И если истерия и навязчивость все же так и не нашли для себя подходящего пристанища, в их распоряжении остаются еще «проблемы отношений», будь то проблемы между родителями и детьми, супругами, братьями и сестрами или все те же «неспецифические». Здесь нам предлагается пример: «например, трудности в отношениях с коллегами по работе». (Если мне доведется оказаться в ситуации, где я стану страдать от «проблем в отношениях» с коллегами по работе, я буду с настойчивостью отстаивать себя, чтобы избежать позорного наименования «неспецифический», и бороться за то, чтобы «специфика» моей проблемы в отношениях, не менее достойная внимания, чем специфические семейные проблемы, была признана). Остаются еще горе, школьные и студенческие проблемы, профессиональные, религиозные или духовные, проблемы идентичности, возрастных этапов, наконец, проблемы, связанные с ассимиляцией культуры. В этом месте я предложил бы экспертам преодолеть колебания, если они все же у них остаются, и добавить еще одну категорию, которой этому шедевру классификации недостает: «Неспецифические трудности и феномены в их взаимоотношениях с жизнью».

Перечитывая, таким образом, это маленькое руководство, я постепенно менял свою точку зрения. Оно даже стало представляться мне вполне симпатичным, позволив констатировать, что, несмотря на все усилия, затраченные его составителями, им так и не удалось изгнать Желание, которое, устраиваясь в симптоме, превращает его в загадку для ученых докторов, объединяющих такие симптомы под именем «неспецифических». Из этого прочтения я делаю вывод, что в действительности термин «неспецифический» объединяет внутри каждой категории симптомы, обозначающие «сопротивление желания» (по одному из определений Лакана, «желание – это то, что сопротивляется»). В этом случае мы приходим также и к противоположному заключению, что как раз там, где симптомы наиболее «специфичны», желание выведено, отвергнуто, подвергнувшись форклюзии. Примерами могут служить жертва меланхолика, экзальтированность страдающего манией, форклюзия бредовая, а также умерщвляющая идентификация с главенствующим означающим (*signifiant maître*).

«Желание сопротивляется»

Между потребностью сновидения в удовлетворении и требованием, мечтающим о том, чтобы быть бесконечным, готовым поддаваться тому, кто отвечает, обещая еще больше любви, желание сопротивляется.

Этому и служит невроз. Согласно его верительной грамоте, невроз есть результат сопротивления желания, желания как защиты.

Таким образом, истерия и обсессивный невроз представлены в этом семинаре как две крайние позиции в установлении диалектики желания и требования, призванные разрешить то, что Лакан называет «парадоксом желания». Парадокс заключается в том, что желание обретает свою свободу, лишь конституируясь в рамках зависимости от другого, и завоевывается эта свобода, действительно, только в согласии желания и наслаждения, то есть фиксируясь на объекте влечения.

В таком случае истерическую позицию по отношению к желанию можно описать как факт приспособления к измерению «неудовлетворение желания», то есть к некому желанию, которое находится в позиции безусловного сторонника требования и «отказа от тела», принимая объекты влечения в качестве «конденсаторов наслаждения». Это должно вызывать двойной эффект – отвращения, с одной стороны, и распространения либидо на остальные телесные зоны, с другой.

Что же касается обсессивной позиции, она характеризуется Лаканом как отказ «быть в зависимости от Другого для своего желания». По этой причине на Другого нападают, нацеливаясь на его разрушение как реального Другого, живого и желающего, одновременно крайне преувеличивая значение Другого речи, мертвого Другого, поскольку его присутствие выявляет структуру воздействия, оказываемого отсутствием ответов в Другом, который мог бы сказать, кто я есть и чего я хочу. Лакан называет это «нехваткой для существования» (лакановский аналог фрейдовской кастрации).

Для истерика защита заключается в том, чтобы сделать загадочным желание Другого – $d(x)$, с неизбежностью имеющее сексуальную окраску, поскольку нехватка берет свое начало в образе тела. Поэтому мы имеем при истерии вариант фаллоса, циркулирующий между мужчинами и женщинами. В случае невроза навязчивости защита атакует Другого, его живую сторону, заставляя выходить на сцену означющее в его смертельной ипостаси. Желание будет здесь представлено как омертвевшее – $d(0)$. В этой диалектике фаллос представлен как фаллос набухший, вырванный из жизни с тем, чтобы жизнь умирала, а смерть жила (фантазия при неврозе навязчивости: умершие наслаждаются).

Отметим в связи с этим, что к истерии и неврозу навязчивости в их симптоматическом измерении невозможно подойти прямо. С ним мы, прежде всего, встречаемся в клинике, в каждом отдельном случае. Отсюда следует, что каждая из сторон объекта вновь собирается в фантазии, которая сгущает наслаждение. Возвращение к диалектике требования и желания позволяет надеяться на возможность «гармоничного»

обустройства желания на основе этой фантазии, которая могла бы таким образом взять на себя объект, либидо, в то время как субъект мог бы воспользоваться символической идентификацией, даваемой Другим. Это и есть пожелание невротика, пациента в начале анализа, – иметь возможность свободно и на законном основании наслаждаться объектами.

Так же ясно мы можем здесь заявить, что психоаналитик не может на это пожелание ответить, поскольку в разрешающем документе присутствие Другого в его реальном качестве – Другого, желающего, с одной стороны, и, с другой, нагруженного объектом, который встает поперек горла, не может быть проглочен, отброшен, увиден, услышан, – проделывает дыру.

Этот объект знаком каждому: объект тревоги, на котором конденсируется все то непереносимое, что содержится в каждом из нас. Непереносимое. Непереносимо то, что этот объект регламентирует желание субъекта, но в то же время служит и ускользающему от него наслаждению, которое его пронзает, но которое он не может пленить. Поэтому невротик предпочитает скорее отдать этот объект другому, чем заниматься им сам, что не остается без последствий, поскольку предполагается, что другой этим пользуется. Нам знакома фигура кляйнианской матери, которая все в себе заключает и всем наслаждается, а также фрейдовская фигура «отца орды», который наслаждается всеми женщинами. Обе фигуры носят имена выдающихся клиницистов, какими были М.Кляйн и З.Фрейд, которые привели клинические феномены в соответствие с процессом создания невротиком Другого – скупщика наслаждения, похищающего его у субъекта: маневр, проявляющийся в переносе.

Истерия

Я предлагаю вам следовать маршрутом, предложенным Лаканом в семинаре, обращая внимание на последовательность шагов, что он проделывает всякий раз, когда рассматривает клинический пример. В случае истерии он заимствует клинический материал Фрейда, перечитывая сновидения двух его пациенток, известных как «Супруга мясника» и «Спящая вода», и возвращаясь к случаю Доры. По ходу дела мы также встречаем ссылку на случай Joan Rivière, уже упоминавшийся Лаканом в предыдущей главе, где речь шла о принадлежащей ей статье «Женская сексуальность как маскарад».

Итак, следуя этим маршрутом, мы можем выделить в понимании истерии четыре этапа.

1. *«В отношении человека к означающему истерик представляет некую первичную структуру»* (с.365).

На с.360-366 семинара Лакан раскрывает, что стоит за этим положением: истерик совершенно особым образом подает желание как находящееся по ту сторону любого требования. Он исходит из «замечания» Фрейда, сделанного им по поводу супруги мясника: «Я заметил, что она вынуждена создать себе в жизни неудовлетворенное желание. Ее сновидение показывает ей собственное желание как реально не исполненное. Но почему подобное желание было ей необходимо?». Говоря коротко: из закона желания истерическая пациентка делает для себя некое жизненное правило, которое претворяет в действие и от чего страдает.

Истерический субъект фактически является изобретателем психоанализа, поскольку он ближе всех подходит к структуре как таковой. Именно поэтому Лакан дает определение истерика (с.364), включающее в себя представление о разделенном субъекте: «Истерик – это субъект, которому трудно установить отношение с другим как Другим, как носителем некоего речевого знака, – отношение, позволяющее ему сохранять его место субъекта».

Когда в ситуации с партнером возникает место Другого, то есть требование (не важно, требует ли она или требование адресовано ей), для истерической пациентки как субъекта не остается места, что тотчас же проводится «в жизнь» в виде состояний типа «быть подверженным» – мутизма, депрессии, разного рода потери сознания и деперсонализации или, напротив, роли «действующего» в сопровождении множества «уловок». Супруга мясника хочет икры именно из-за того, что это желание «начинает функционировать как желание запретное», то есть «условие конституирования для нее некоего реального «Другого», способного ее лишить чего-то важного.

Отсюда поиск истерическим субъектом партнеров, способных воплотить фигуру реального Другого – не носителя знака речи, а носителя знака желания, отказывающего ей в том, чтобы оно было удовлетворено, либо от кого она сама может отказаться. В каком-то смысле истеричка обслуживает различие между Другим желанного и Другим речи, которые при случае могут воплощаться в два разных тела. Истерик становится, таким образом, сторонником или сторонницей борьбы за дело желания. В этом – его привлекательность и одновременно драма, ибо дело желания не является чем-то малозначительным; оно нагружено неким «остатком», с которым субъект невольно идентифицируется. Существует опасность для истерического субъекта слишком сблизиться с этим существом-отбросом.

Отсюда – отмеченная Лаканом важность формы идентификации между субъектом и Другим, которая будет интериоризироваться.

Эту тему он прослеживает на втором этапе, обращаясь к случаю Доры. Не будем забывать, что мы еще не ответили на вопрос Фрейда: почему желание именно таково?

2. *«Прекрасная истерическая структура идентификации со знаками отличия Другого»* (с.368-370).

В случае Доры эта идентификация так явно выходит на первый план, что будет до самого конца скрывать для Фрейда подлинный направляющий Дору побудительный мотив, включающий объект, который и является истинной причиной желания Доры, а именно, прекрасную госпожу К., любовницу отца. Лакан в этом отрывке демонстрирует значение равновесия, обретаемого Дорой в идентификации с господином К., что Фрейд путает с любовью. Лакан уточняет, что именно от отца она хочет получить любовь, и эта тенденция остается актуальной до тех пор, пока она не сменяется на противоположную, когда идентификация с господином К. терпит провал.

Это происходит в тот момент, когда господин К. говорит Доре: «Моя жена ничего для меня не значит». И в одно мгновение он лишается того места, которое занимал для нее, и где она находила свою идентификацию, будучи желающей, нацеленной на госпожу К. Лишь под маской этой идентификации она могла идти вперед. Следующий отрывок внесет уточнения, в чем состоит движущая сила такой идентификации.

3. *«Речь идет о том, чтобы быть или не быть фаллосом»* (с.375-380).

В этом отрывке Лакан исходит из двух сновидений пациентки Фрейда. В первом – он берет за основу то, что Фрейд выносит за скобки как элементы, которые были реально сказаны. Таких элементов два: «Невозможно больше это иметь» и «Я не знаю, я не беру». Лакан утверждает, что именно здесь находится место «означающего фаллос», здесь оно указано, а также отмечает, что означающие сновидения представлены в регистре «иметь или не иметь» одновременно с характерной для истерической пациентки чертой, в соответствии с которой она неизменно представляет себя в качестве испытывающей некое лишение. В этот момент как раз и происходит идентификация, делая переносимым для другого тела, тела кого-то подобного, факт обладания им, или возможность его иметь, или риск более не иметь, или не иметь его вообще.

Как раз в этой точке происходит скольжение: речь идет об объекте или нехватке объекта. Но в следующий момент, когда объект начинает служить в речи обозначением нехватки, он больше не действует как объект. Теперь уже не объект как таковой и не то, что я его имею или не имею, принимается в расчет, а объект как одно из возможных наименований существования нехватки. Маневр истерического невротика за-

ключается в том, чтобы показать ценность фаллоса как объекта желания, замаскировать собственное стремление быть им, быть одним из имен нехватки.

Эти темы объединяет второе сновидение и фраза «Не стоит труда». Обозначая для Фрейда то, что она могла бы иметь или не иметь под корсажем, пациентка привлекает взгляд другого к тому, что могла бы иметь или не иметь, и создает у другого желание, которое могло бы обрести объект в «иметь или не иметь». И все это ради того, чтобы мы не заметили, что главная роль принадлежит здесь функции покрова, то есть располагается на линии различия между требованием и желанием. В действительности она делает из себя создательницу покрова, маски, за которой сама становится существующей в качестве фаллоса, как если бы она была фаллосом, которого не достает Другому, то есть – означающим желания. Партнер служит ей для того, чтобы образовать покров, за которым она сможет развернуть свой маскарад, пока тот будет поглощен стремлением узнать, что за объект скрывается под покровом. Это становится основой ряда недоразумений! Читаем на странице 380: «истерическая провокация...».

4. «Она поддерживает желание Другого, именно она является для него опорой» (с.396-397).

Наряду со случаем Доры Лакан коротко представляет третье сновидение – «Спящей воды», чтобы сделать следующий шаг, предполагая, что если истеричка обретает «поддержку» в желании Другого по ту сторону любого требования, то и сама она благодаря этому становится безусловной поддержкой желания Другого, и, добавим, Другого бессильного, что необходимо ей для того, чтобы иметь возможность его поддерживать. Клиника показывает, что это место есть место отца, именно бессильного при выполнении своей функции по ту сторону первичного требования, матери. Тот факт, что подобным образом выявляется такая характеристика отца, как «бессилие», открывает для истерического субъекта многочисленные пути идентификации со всеми теми мужчинами или женщинами, кто нацелен на желание по ту сторону требования, и поддержки всем, кто воплощает различные варианты могущества и бессилия.

Теперь в терминах этого перехода мы можем попытаться вместе с Лаканом ответить на вопрос Фрейда: почему желание таково, что кажется, будто оно создано лишь с одной целью: оставаться неудовлетворенным? Мы могли бы сказать, что оно таково, чтобы спасти желание каприза Другого (не случайно мы вновь и вновь обнаруживаем в анализе истерика фигуру матери, которая устанавливает свой собственный закон каприза для дочери или сына) и, наконец, спасти желание удовле-

творения потребности. Однако, единственный путь, позволяющий субъекту выйти из состояния бессилия по мере того, как он открывает точку, где Другой пребывает в одиночестве нехватки, – это невозможная для субъекта конфронтация с объектом наслаждения.

Невроз навязчивости

Что касается невроза навязчивости, то, вопреки мнению Лакана, считающего, что он едва ли более сложен, чем истерия, мы сталкиваемся здесь с самой настоящей головоломкой! Все, о чем говорилось выше, действительно, имеет много сходства с проблемой желания, присущей обсессивному невроту. Точно так же, как и для истерика, ему предстоит найти место для своего желания, исходя из означающих координат требования. Точно так же оно удваивается между требованием, которое формулируется в высказываниях, предполагающих Другого речи, и требованием, которое уже имеет в виду некую собственную потусторонность, поскольку оно приобретает свой вес, отталкиваясь от реального Другого, способного ответить на данное требование отказом.

Как все мы, обсессивный субъект находится в зависимости от Другого. Зависимость субъекта от некоего Другого конституирует его в качестве инстанции, которая может или не может давать. Перед нами – субъект, с самого начала соотнесенный, соединенный со всеми формами требования особым приемом ($/S$ перечеркнутое – ромб большое D^*): каким бы ни был объект требования, он затем исчезнет, столкнувшись с тем фактом, что Другой может на него ответить или не ответить, принять его или отвергнуть. « S перечеркнутое ромб большое D » представляет в верхней линии графа этот особый прием требования в той мере, в какой он будет активен в бессознательном. Кроме того, частичный объект не теряет своих прав, а напротив, приобретает их, поскольку достигает нового, более влиятельного уровня как «абсолютного условия» желания. Таким образом, Другой обещает, но, отвечая на обещание, он одновременно порывает с этим обещанием, поскольку полученное не имеет ничего общего с тем, что ожидалось. Или, вернее, полученное, то есть желание в качестве того, что разделяет субъект и что делает его ответственным за его объекты, заставляет его полагать, что он мог бы получить нечто другое, что не только принесло бы ему больше удовлетворения, но и освободило бы от груза этих самых объектов.

Мне представляется, что именно в этой точке обсессивный невротик сталкивается с оценкой своего решения, которую можно описать следующим образом: если бы я не зависел от Другого-требования, чтобы

* Формула « $S \diamond D$ » проходит через весь текст V Семинара.

желать, я мог бы получить гораздо большее удовлетворение; но, коль скоро я зависим от Другого, мне ничего не остается, как его разрушить, приуменьшить, обесценить, поставить в один ряд с доставшимися мне жалкими объектами; но поскольку его можно уничтожить его же оружием, я продолжаю поддерживать существование этого Другого, которого ненавижу за то, что любил.

Вся головная боль обсессивного невротика заключается в том, чтобы хотеть Другого без желания, Другого, разделенного с желанием: в результате, с одной стороны, он имеет доступ к желанию в форме запрета, а, с другой, сталкивается с Другим требованием, который командует, предъявляет это требование. Лакан раскрывает значение этого последнего положения, приводя удачный пример ребенка, требующего корбочку: в настойчивости этого ребенка есть что-то, превосходящее обычное требование. Это, по словам Лакана, «идея фикс», она «носит характер абсолютного условия» – условия, присущего желанию, которое опрокидывает его на требование.

Именно так обсессивный невроз становится болезнью требования: он требует все или совсем ничего не требует, он слишком много говорит, неизменно заявляя о своей некомпетентности; он требует это, а мог бы также потребовать другое. Пережевывание, сомнение, абулия, – все эти явления свидетельствуют, что всякий раз, когда задействовано некое желание, свое или партнера, это желание рассматривается точно так же, как требование. Его изучают, взвешивают, ищут хорошую формулировку. В глубине любая форма требования его разделяет. Приведем пример, заимствованный Лаканом у Буве, пациентка которого во время мессы вдруг увидела, как на месте облатки появился мужской половой орган. Именно в самый символический момент требования, каким является молитва, возникает обесцененный этой женщиной отвергаемый объект.

Эта болезнь требования затрагивает также партнеров субъекта, и Лакан показывает в своем семинаре значение фигуры «супруга», как будто специально предназначенного для агрессивного обесценивания со стороны обсессивного невротика. И дело тут не в его особой злобности, а в особой логике: «поскольку ты есть тот, кто всегда чего-то от меня требует, ты и есть тот, кто меня убивает» (замкнутый круг обсессивного невротика (с.470). «Обсессивный невротик служит разрушению желания Другого» (с.468) или «Речь идет о том, чтобы низвести Другого, поставив в ряд объектов, его разрушить, но для этого ему необходимо поддерживать Другого на уровне требования, а иногда это требует мужества» (с.469). Мужество необходимо, потому что всегда должен быть наготове ответ на предполагаемое требование Другого: это своего рода

пространство подвига, упорного труда, которому Лакан посвящает незабываемые страницы. На этом создается, говорит нам Лакан, сама ткань жизни обсессивного невротика: боготворить Другого как Другого означающего и разрушать его как Другого желающего (с.472).

Итак, перед нами дверь, позволяющая войти в лабиринт обсессивного невроза: «разрушение и поддержание объекта» (с.388-392, 398-399). Эта парадоксальная черта отмечалась в клинике со времен Фрейда и, как утверждает Лакан, она может быть понята только в том случае, если мы рассматриваем объект, прежде всего, как означающее. Тогда этот парадокс смещается к разрушению и поддержанию Другого, разрушению и поддержанию желания в качестве желания Другого. Это приводит к формированию двух «серий». Сторона «поддержание»: ей мы припишем такие характеристики, как «просить разрешения» (с.412), «беречь другого» (с.417); все, относящееся к категории «подвига», предполагающего Другого в качестве зрителя, свидетеля; Другого, «в котором вещи сочленяются в терминах означающего». Сторона «разрушения»: здесь сосредоточены фантазии и отношение к желаемому объекту, отношение к матери, симптомы, «требование смерти», то есть имя, которое Лакан предлагает для обозначения агрессивности.

Иллюзорное решение и решение правильное

Лакан беспокоится о том, чтобы найти «правильный» выход из лабиринта, воздвигнутого обсессивным неврозом. К иллюзорному он относит решение, которое причисляет к бесконечному описанный выше механизм поддержания и разрушения Другого. Стержень этого механизма составляет воображаемый фаллос, рассматриваемый в диалектике воображаемого «иметь» или «не иметь», которая заставляет хотеть его, если не имеешь (девочка), а когда имеешь, бояться его потерять (мальчик). Лакан вновь обращается к уже упоминавшемуся выше наблюдению Буве, показывая, что результат анализа заключается в том, чтобы провести все объекты требования через мельницу воображаемого фаллоса, то есть рассматривать их как эквиваленты фаллоса, что ничего не меняет в самих навязчивостях, но вызывает эффект, при котором субъект больше на них не жалуется.

Лакан подчеркивает именно то, что подобный результат ничего не изменил в исходной невротической ситуации, несмотря на всю работу, проделанную анализанткой и аналитиком! Однако его забота не в том, чтобы доказать, что коллега встал на ложный путь, но в том, чтобы открыть возможности выхода.

Последуем за ним. Он исходит из значения «агрессивности» обсессивного невроза. Эта агрессивность, несущая некую структурную команду, а именно «ты – тот, кто меня убивает», является наложением в

ИСТЕРИЯ И НАВЯЗЧИВОСТЬ

геометрическом смысле того символического процесса, который происходит всякий раз, когда означающее заявляет о себе, на воображаемые отношения (что и есть требование). Самый процесс заключается в том, что оттуда, откуда исходит любое высказывание, возникает «некое требование смерти» – убийственное для субъекта и означающее смерть самого требования.

Лакан предполагает, что в именно в этот момент надо заставить субъекта распознать фаллос как означающее. Каким образом?

Прежде всего, признавая фаллос на его собственном месте, – скрытым под покровом симптома. Лакан еще раз обращается к примеру Буве, говоря, прежде всего, о первой детской навязчивости, «страхе засовывать булавки в родительскую постель», – они могли бы поранить мать; и первой навязчивости, проявившейся во время мессы, когда взамен облатки перед глазами пациентки возник образ пениса. Лакан утверждает: это явление иного порядка, чем обилие фаллических образов буквально во всех уголках наблюдения. Обе эти навязчивости, столь разные по своему характеру, объединены вокруг чего-то общего, от присутствия чего не удается избавиться: речь идет о том, чтобы проделать дыру или надеть маску на что-то слишком полное. Это, говорит нам Лакан, место символического фаллоса, означающего желания, к которому пациентка взывает и с которым одновременно борется.

Фактически, Лакан показывает, что когда пациентка была ребенком, ее устремление состояло именно в том, чтобы занимать особое место рядом с матерью, и всякий другой человек, оказываясь в этом поле, «становился объектом пожеланий смерти». Далее он выделяет исходный момент этого «непереносимого соперничества», «в виде желания матери, привязанного к далекой любви, которая отвлекает ее от мужа и ребенка».

Таким образом, выявлен некий исход, к которому необходимо направлять анализ, – к точке, которая проделывает «дыру» в материнском Другом (Другом, желающем мертвой любви). Эта точка, с которой пациентка хотела бы себя соотносить, но где она встретила только требование смерти, адресованное тому, кто стремился это место занять, не ведая, что сама она нацеливалась занимать его рядом с матерью.

*Перевод – Н.Челышевой
Москва, декабрь 2003*